

Владимир Иванович Даль

Находчивое поколение

Владимир Иванович Даль

Находчивое поколение

Недавно один из хозяев по зеркальной линии гостиного двора, рассматривая палку мою, в которую вкладывается зонтик, сказал: "Вот, говорят, немцы наш хлеб едят. Господь с ними, пусть едят; они нас добру учат; не будь их, у кого бы мы стали перенимать? Они, вишь, до всего умом-разумом доходят, а мы глазами".

Есть тут и правда, подумал я, и не даром народ наш сложил поговорку: *у немца на все струмент есть*. Нужда промышляет, досужливость перенимает. Много найдется у нас досужих самоучек, которые что ни увидят, все сделают; но *хозяин* прав: им надо наперед увидеть; русский ум тяжеленек на подъем, русский задним умом крепок. Поговорка: русский человек не пропадет -- не в ту силу сложена, как иногда ее понимают. Русский человек век не знал еще такой нужды, как знает ее заморское племя -- а голь на выдумки торовата. Если нужда заставит русского человека промышлять, то он редко промышляет головою, никогда ногами, а всего чаще руками, и думает по готовому.

Вот заморское поколение, народ извест-

ный у нас в старину под собирательным именем *немцев*, а ныне под названием иностранцев -- поколение, которое не верит прибасенкам, где счастье наведывается к сонному, которое растет и мужает с убеждением, что, не дав счастья угонки, за ним не угоняешься, вот это поколение, говорю, у которого на все струмент есть, не пропадает нигде; оно находчиво, смело спускается в открытое море чужбины, увертливо борется с супротивными волнами и нередко благополучно достигает берега. Но вы спросите: не выезжает ли такой искатель судьбы иногда на чужом хребте? Без сомнения, и на это есть весьма основательная причина, а именно: на своем не выедешь, сам на себя, на плеча свои не сядешь.

Народ, о котором я говорю, взяв только известную частицу его, отлитую по одному образцу, принадлежит по званию к бездомным скитальцам, к бобылям; по призванию -- к художникам, как называют иногда человека, который горазд на все, или еще лучше -- *кисточникам*. Источником, в простонародном языке нашем, называется именно такой человек, который и скроит, и сошьет, и вывор-

тит, и мельницу починит, и узоры выведет -- потешит вовремя малых ребят водяною мутовкой да бумажным петухом; старичков проволочною оправой на очки; красных девушек самоделковыми серьгами да подвесками. По наружности такой землепроходец человек благообразный: бакенбарды у него чистенько зачесаны вперед, запонки презатейливые, поступь смелая, руки привешены в плечах на основании правил наших учебных анатомий, т. е. *свободно-движным сочленением*, и когда пришлец наш ловко и вольно рассуждает *свободно-движными* руками своими, то никак нельзя догадаться, что они приделаны у него по такому варварскому способу. Если вам случилось видеть когда-нибудь одного такого гражданина мира, то вы видели в нем и всех: это политипаж. Иногда, слышал я, перемешав звание человека заглавием известного рода учебных книг, называют их *самоучителями*; их и точно можно так назвать -- но не потому, чтобы они *сами* чему-нибудь учились, а просто потому, что *сами* берутся *учить* всему на свете других и не брезгают горьким хлебом воспитателя барских детей.

В Кронштадт прибыл из Гавра корабль за салом и за пенькою; привез и то, и сё, и между прочим с десяток пассажиров. Один за другим вышли на берег и пошли в ожидании таможенной очистки пожитков своих туда и сюда; а какой-то молодой человек, бойкой наружности, ходит взад и вперед по шканцам, заложив руки в карманы, и с завистью поглядывает на удаляющихся по берегу товарищей своих. Это м'сье Петитом, родом из Лозанны или Женевы. Капитан не спускает его на берег. Петитом сумел убедить капитана отвезти его в Россию, с тем, чтобы там немедленно уплатить остальную половину недоимки за проезд; но теперь покуда еще не сумел привести в исполнение благонамеренного обещания своего: никто из попутчиков не дает ему денег взаймы, тем более что м'сье Петитом, *обедая* всегда на чужой счет, *объедал* дружески на этом перепутье поочередно всех товарищей своих, с коими судьба его свела, признаваясь каждому глаз на глаз, по секрету, что он политический беглец и принужден был бежать от угрожавшей ему новой линии Бурбонов с такою поспешностью, что не

успел захватить с собою ничего, ни даже припасенного мешка отличных сахарных сухарей, не только семи дюжин жестянок с готовым кушаньем. Все это, а равно и деньги его будут ему пересланы непременно задушевными друзьями, прикрывавшими с таким самоотвержением его бегство.

Впрочем, Петитом не унывает; у него, конечно, нет в виду ни одного ломаного шелега, не только гроша, но это нисколько его не озабочивает; он прибыл в Россию и так или иначе будет на берегу, в этом нет сомнения; капитан не повезет же его обратно в Гавр. Петитом надел единственный щегольский фрак свой и бронзовые, под золотую оправу, очки; притуалетился кругом и, расхаживая взад и вперед, посвистывает. Все товарищи ушли,— думает он про себя,— поесть не у кого; если капитан продержит меня натошак до полудня, я буду, кажется, ровно в таком же положении, как тот, который, прогулявшись утром, пришел домой и спросил у слуги: нет ли у нас чего поесть? и на ответ: "вы сами знаете, что нет ни корки", сказал: так вот что, я пойду лягу отдохнуть, а ты разбуди меня *после обеда...*

Если бы у меня был какой-нибудь чемодан с собою или сундук, я бы его мог оставить капитану в заклад и пройтись по Кронштадту, оглянуться, поискать земляков-легитимистов; может быть, и промыслил бы что-нибудь; но у меня один узелок, а кой-какие безделушки уже заложены у товарищей. "Капитан!-- сказал он, вдруг остановившись вдохновенно,-- вот вам паспорт мой, оставьте его у себя под залог, а меня отпустите к консулу; иначе я не могу достать вам денег". Капитан согласился.

Петитом встретил на берегу двух человек; одного с бородою, в синем кафтане, другого во флотском мундире. С первым он мог объясниться по-немецки, с другим по-французски. Это ему понравилось: Россия не так страшна, подумал он, как я полагал: люди, как люди; и день довольно светлый, почти как у нас; где же вечные сумерки и полугодовая ночь? И лето также не морозное, по крайней мере здесь, в Кронштадте, посмотрим, что дальше будет, например, в Петербурге.

Петитом расспросил, где найти своего консула, но, между тем, ласковое обращение

встреченных им туземцев и убедительные представления тощего желудка побудили Петитома испытать на первых порах хваленое гостеприимство наше и удовлетворить этим самой настоятельной потребности; потом уже, подумал он, я займусь своим делом. Он, без обиняков, со свойственно этому поколению ловкостью и умением, рассказал молодому моряку, жителю знаменитых в то время *на лов*, что бежал от преследования старой линии Бурбонов, бежал с такою поспешностью, что не успел даже захватить с собою кошелек и бумажника.

-- Но,-- продолжал ловкий рассказчик, закинув несколько голову и взяв мичмана за руку,-- но я ни на минуту не призадумался; я знал, в какую землю еду: в землю, где иностранцы, загнанные туда судьбою, принимаются радушно, как братья, где всякий гость не может нахвалиться гостеприимством хозяина. Вот почему я смело ступил на этот чуждый для меня берег; я уверен, что найду достойный этого народа прием; хотя,-- прибавил он с ужимкою,-- хотя и не знаю еще, где сегодня буду обедать! Вы женаты или холо-

сты?--продолжал он.

-- Холост,-- отвечал мичман, насупил брови, опустил голову и сделал рядом с товарищем своим несколько шагов молча. Он думал в это время: куда же я его дену? как его вести за собою в знаменитые палы, на 15-ти рублевую квартиру, где в передней стоит огромная русская печь, в которой Степан мой изготовил сегодня, вероятно, то же, что было вчера и третьего дня, и что будет завтра -- щи да кашу!..

-- Не правда ли,-- продолжал между тем Петитом,-- не правда ли, у вас водится прекрасный обычай, по которому всякий вновь прибывший чужестранец должен избрать себе непременно друга между туземцами и даже обменяться с ним именем, и новый друг этот заботится о друге своем как о себе?

Петитом, как видите, немного спутал обычай островитян Тихого океана, о коих читал в Дюмон-Дюрвиле, с обычаями русских. Но это у него нипочем; его нисколько и не озадачила поправка молодого мичмана, который, наконец, для поддержания чести русского хлебосольства, решился накормить француза в

гостинице и поставить ему бутылку вина.

За этим дружеским обедом Петитом открыл душу и обнаружил различные опасения свои насчет вечных потемок, непроходимых льдов и снегов северного полюса, к которому он теперь приблизился почти на пистолетный выстрел, насчет русской стужи, от которой обыкновенно глаза у людей замерзают как стекло, почему де и заведено, что люди в этом случае заходят без обиняков в первую встречную дверь, отогревают глаза и молча опять отправляются своим путем; насчет опасности от моржей и белых медведей, от набегов татар и монголов и проч. Мичман успокоил его несколько, и Петитом *сытый* стал еще вдвое бодрее Петитома тощего и голодного, открыл мичману из благодарности на прощании секрет, как чистить бронзу, склеивать битый фарфор и делать превосходную ваксу, и раскланялся самым обязательным образом.

Два дня спустя наш Петитом сидел уже в огромной бричке, среди мадамы, двух девок и пятерых детей, расстилался в любезностях, смешил и увеселял всех, был сам сыт и дово-

лен и катил по Петергофской дороге в Петербург. Как так? А вот как.

Так ли, иначе ли, но он с помощью консула от капитана своего отделался, вышел на свободу, но заплатить целковый за проезд до Петербурга не мог, потому что ему негде взять было и гроша. Он узнал, что, попавши в Петергоф, можно попасть в Петербург пешком; воспользовавшись сведением этим, он поехал с флотскими офицерами кататься на катере, попросил, как будто шутя, чтоб его высадили в Петергофе, и, раскланявшись с новыми приятелями, отправился преспокойно пешком в Петербург.

Пройдя несколько по Нарвской дороге, поглядывая и посвистывая, голыш мой поравнялся с какою-то латышскою бричкою бесконечной длины, под полотняною покрывкой. Бричка тянулась шагом; из боковых амбразур выглядывала полдюжина пригожих детских головок; Петитом слышал вскользь несколько слов разговора; и мог только расслышать, что говорили по-немецки. Дети грызли крендели, и тощий желудок пешехода настоятельно просил кренделька. Постой, сказал про се-

бя Петитом, не все вдруг, помаленьку. Придумывая средство, как познакомиться с соблазнительною бричкою, он пристально вглядывался в левое заднее колесо, которое было умотано сплошь алою шерстью. Станный обычай, подумал Петитом, надобно упомянуть и об этом в записках, которые со временем я издам о России... Он до того пристально рассматривал это украшение колеса, что дети стали выглядывать из брички и, увидев, что именно обратило на себя внимание пешехода, вдруг закричали, заговорили; мадам выглянула, всплеснула руками, закричала кучеру: стой! и вслед за тем сама вывалилась из брички, а за нею выпрыгнули воспитанницы ее. Петитом подошел на помощь, и дело объяснилось: мадам вязала какой-то красный колпак, положила огромный клубок шерсти в боковой карман брички, кто-то из детей выскочил дорогою, вероятно вытащил за собою конец нитки, она попала в колесо, и таким образом весь клубок во время езды намотался на колесо. Мадам и ахала, и смеялась, но между тем принялась разматывать шерсть, что весьма забавляло прохожих и проезжих. Ку-

чер поднял зад брички, Петитом вертел колесо назад, а мадам мотала клубок.

Эта счастливая встреча доставила Петитому приятное и полезное знакомство; он во время работы успел рассказать все приключения свои, прибавив только к тому, будто матросы в Кронштадте его обокрали; кончилось тем, что Петитома посадили в бричку и накормили кренделями.

На этом новом перепутье Петитом опять пополнил сведения свои о России: он узнал от мадамы, что в Петербурге учителей много, что иностранцу трудно получить хорошее место, что ему придется ехать куда-нибудь в губернию, в Москву, но что пароходы в Москву не ходят. Мадам также успокоила его насчет белых медведей и Ледовитого моря, уверив, что в Москве нет ни того, ни другого.

Но мадам сама была хозяйкою только в дорожной бричке, в которой она возила барских детей в Ревель на купанье; она не могла предложить новому знакомцу своему, который в этом случае весьма благоразумно сказался немцем, никакого приюта, а высадила его, с большим сожалением, в Коломне. Пети-

том не робел, однако ж; по его мнению, не только всякому дню, всякому часу подобала забота своя. Прошедшее не бременило его никогда; а как он был уверен, что и каждый грядущий час поступит в свое время в число прошедших, то он и ожидал все будущее с таким же спокойствием, как разговаривал о прошлом. День да ночь, вот и сутки прочь; так и отваливаем.

У Петитома нет в Питере ни одной души знакомой, и он еще не знает, куда приведет его судьба на ночлег. Он стоит на углу тротуара, в одной руке узелок, в другой шерстяная сумка, и так беспечно и простодушно оглядывается на все стороны, будто кого-нибудь поджидает, будто прибыл наконец из дальнего пути на родину свою. На лице его только выразилось несколько нетерпения и удивления, что долго де никто не является на помощь: точно будто бы судьба подрядилась заботиться о нем более, чем он заботится о себе сам.

Без запинки и с обязательною вежливостью заговаривает он наконец с одним из прохожих; нисколько не удивляется, что и

этот прохожий говорит по-французски, мсье не предполагает, чтобы можно было жить и дышать свободно, не зная по-французски. К ночи он уже расположился у часового мастера в Гороховой с тем, чтобы за уголок в комнате и за стол отработать чисткою и починкою часов. Поутру он уже сидит за работой, разбирает часы, раскладывает вычищенные колеса под стеклянные колпачки и рассказывает с приличными приемами и осанкой ученикам и подмастерьям, что у него был за морем богатый магазин хрусталя и бронзы, но внезапное бедствие поставило магазинщика в нынешнее горькое положение: он пострадал от несостоятельности торгового дома или за политическое мнение свое; но, как *бравом* {Brave homme (*фр.*) -- честный человек.}, как честный человек, не жалеет об утрате: правда ему дороже головы, не только живота или названного добра. Приятели скоро вышлют ему сотню тысяч франков, и тогда он опять разживется... Ученики, частью русские, которые по какому-то навыку понимают всех иностранцев, на каком бы языке они ни говорили, слушают с удивлением нового временно-

го собрата своего и завидуют полосатой бархатной жилетке его.

Вскоре у Петитома появились для продажи разные безделушки: дамские перчатки в грецком орехе, цепочки и несколько зонтиков в тростях, об одном из коих хозяин зеркальной линии сделал свои замечания, переданные мною в начале этой статьи. Вещицы эти были заложены им какому-то попутчику еще во время проезда морем из Гавра; этого человека Петитом отыскал, выкупил вещи свои и распродал их с выгодой. Он смеялся в душе, что избавил себя от хлопот беспощинного провоза этих вещей, предоставив о том заботиться тому, кто принял их под залог.

Петитом оставил часовщика, перешел в Морскую к землячке, успел развести порядочное знакомство и вскоре добыл место воспитателя {Разумеется, не в официальном звании *наставника*. Со времени учреждения экзаменов для этих господ Петитом должен был вступить в должность свою под именем *компаниона* или *нахлебника* своих хозяев. (Примеч. автора).}... Его увозят в Симбирск, поверяют ему двух девочек и мальчика, и вот ко-

гда Петитом, достигнув ближайшей цели своей, делается самоучителем. В два месяца дети затвердили разные французские и немецкие приветствия и пожелания, а мимоходом Петитом успел продать одному из симбирских погребщиков секрет: как исправлять попорченные вина, и торговал под рукою, через барского камердинера, эссенциями жизни и элексирами всех сортов, между прочим также для истребления блох и клопов.

Покуда все шло хорошо; но Петитом стал не доверять торговому товарищу своему и вскоре убедился, что этот его точно обманывает. Не думав долго, он перевел лавочку в свою комнату, обзавелся, сверх духов и помады, еще цепочками, перстеньками, дамскими поручнями, наперстками, иголками, сережками и приучил воспитанников своих, особенно двух пригоженьких девочек, уже подростков, исправлять, в отсутствие его, должность сидельцев. Они делали это очень ловко и мило, торговались, казали товар лицом и, подавая покупателю цепочку, вскидывали ее с какою-то плутовскою уловкою на изнанку бельевой ручки своей.

По доносу камердинера, все это вдруг обнаружилось и тем более изумило папеньку и маменьку, что они сами ничего не видали, не подозревали. Петитома согнали со двора, задолжав ему полугодовое жалованье. Помещик наш был один из тех, которые воспитывают детей своих или на казенный счет, или в долг; наличными же деньгами платил он только за вистом, и более нигде и никогда. Петитом исчез из Симбирска, проклиная неблагодарность русских и уверяя всех, что уедет опять домой, за границу.

Прошло два года, и симбирский помещик наш отправился со всей семьей на Кавказ, повез детей и жену и себя лечить пятигорскими водами. Прогуливаясь там между опрятными новенькими домами, выстроенными для посетителей, увидели они огромную вывеску с презатейливою собачьей комедией. Папеньке и маменьке не было покоя: пойдём да пойдём в собачью комедию. Пошли, и хохотали до упада все, и малые и большие. Тут курносая моська Жантиль, в алом фраке и голубой фуражке, расхаживает на дыбках под ручку с косматою шавкой, мадмоазель Санфасон; тут

целая упряжь гнедых дворняжек везут коляску, где нарядная маленькая пеганка исправляет должность кучера; две моськи, одна в белом атласном платье, другая в вишневом французском кафтане, сидят в коляске, а брусбарт, в ливрее, стоит на запятках; тут целая стая собак всех мастей и во всех нарядах, щегольских, модных, оципанных, оборванных, пляшут на дыбках, под барабан и дудку, экосез, и каждый раз, когда очередная пара отправляется взад и вперед между рядами дам и кавалеров, ропот зависти и неудовольствия выражается в рядах пляшущих: дамы и кавалеры ворчат и скалят зубы. Наконец, какой-то назойливый барбос, который вел себя во время танцев самым неприличным образом, и между прочим ворчал и огрызался беспрестанно, даже без всякого к тому повода, барбос этот ухватил одного кавалера в оранжевом кафтане за воротник; тот стал огрызаться, кавалеры и дамы, все без разбора, приняли ту либо другую сторону, и бал окончился буйством и страшною дракой, рассмешившею больших и напугавшею малых зрителей. При этой общей свалке фуражки, шляпки и клоч-

ки мишурного платья летели во все стороны.

В эту критическую минуту вступил на поприще с арапником в руке сам хозяин, желавший, вероятно, спасти лоскутный ряд свой, фраки, юбки и кафтаны, от конечного истребления. Мсье Петитом, мсье Петитом! закричали в один голос симбирские воспитанники нашего самоучителя... Так, это был он! Прирожденный воспитатель, он, за неимением других воспитанников, занялся обучением мосек, шавок и болонок, разговаривал с ними так же мило и поучительно, как бывало с детьми; заставлял их так же ловко кланяться, приседать, держаться прямо, навтыяжку, складывать вежливо лапки, и собачки уже довольно порядочно понимали по-немецки.

Вскоре, однако же, судьба опять покарала бедного самоучителя: он внезапно, в страшную годину, лишился всех воспитанников своих, подававших столько лестных надежд. На ученых собак напала чума, которая, как известно, не щадит ни пола, ни возраста, ни даже звания и состояния: страшный кашель, рвота и тому подобное воцарились в балагане под вывескою мосек, шавок и боло-

нок; много истратил Петитом на серу, антимоний и табачный настой; уход был за воспитанниками примерный, но судьба порешила дело по-своему: в три недели все кончилось; ученые собаки подошли или остались такими калеками, что не было никакой возможности показывать их: они поглупели, одурели, позабыли все науки и, разбитые на задние ноги, едва перекачивались с места на место. Собачья комедия решительно расстроилась.

Скрипка или флейта, под которую плясали собаки, выручила Петитома. Екатеринославский помещик увез его из Ставрополя к себе, устраивать домашнюю музыку. Петитом брался за все, что вам угодно, и если бы кобылка и саранча не поела в Славяносербском уезде хлеба, то, может быть, у помещика была бы со временем и музыка; по крайней мере, трех человек, из псарей, с басом, со скрипкой и кларнетом, Петитом поставил уже на ноги. Но кобылка испортила все дело; музыка полетела к черту, потому что тут нечем было кормить и рабочих крестьян, не только дармоедов.

Самоучитель оглянулся в околке и по-

пал счастливо на прежнюю колею свою; у соседа подрастали ребятишки; сосед нашел в Петитоме дешевого наставника, и дело сладилось. Но после стольких горьких опытов Петитом стал дорожить местом своим и старался угодить, по возможности, родителям, отложив всякий посторонний промысел, по крайней мере до того времени, покуда не обживется и не устроится на своем месте. Сметив, что родители малюток были смертные охотники до благонаправного воспитания, в особенности до поучительных стишков и басен, Петитом долгое время был в затруднении, каким образом обнаружить перед родителями обязательным образом те нравственные правила, которые он внушает детям! Родители не знали ни по-немецки, ни по-французски, а тут еще на беду наступали папенькины именины. Наконец Петитом решился: дети вытвердили наизусть французское и немецкое пожелание; это так, само по себе, и родители слушали его, проливая слезы радости; но затем дети прочли также на память две русские басни, написанные Петитомом. Да, Петитом выучился уже русскому языку, и не только свободно на

нем изъяснялся, но писал в стихах и в прозе поучительные басни. Вот они:

I. СОБАЧКА И СОБАКА

Один маленький собачка с великий злость

Грыз кость.

Большой собака приходил

И маленькой собачку спросил:

Маленький собачка, зачем ты с великий
ЗЛОСТЬ

Грызешь кость?

Маленький собачка отвечал:

Мне хозяин давал.

Нравоучение:

Следовательно, ничего не должно делать

без позволение.

— ----

II. ВЕЛИКОДУШИЕ

Один молодой козел пошел себя немножко прогуливает; вдруг навстречу ему попадался городской. Городовой, по должность свой, спросил: Господин молодой козел, вы пьян? Нет, отвечал молодой козел, я не пьян, я только немножко себя прогуливает. Городовой обратился, по должность свой, к другой прохожий.

Эта басня показывает, что один был великодушнее другого, а другой великодушнее одного.

— ----

Вот вам необыкновенные успехи Петитома в русском языке; вот вам ум его, дар писателя, остроумие и высокие понятия о нравственности. Удивительно, до какой степени этот человек приучил себя в несколько лет к русской

почве; это в особенности доказывает вторая басня его: русская басня, по всему.

Хотите знать и окончательные приключения Петитома? Ему предстоит тройкий конец: или он женится на какой-нибудь зажиточной вдове и навсегда останется в России; или он наживется лет через десять сам и поедет за море, в свое отечество; или наконец он состарится у нас таким же бобылем и будет разъезжать, под названием немца или француза, круглый год по всему околотку, гостить поочередно у помещиков, разнообразить скучную деревенскую жизнь их покорным появлением своим, исправляя некоторым образом, за насущный хлеб, должность уездного шута. Последнее тем вероятнее, что он на всех деревенских съездах своего околотка составляет уже необходимое лицо; над ним удачно трунят, и он, к общему удовольствию, удачно отшучивается и никогда не сердится.

КОММЕНТАРИИ

При составлении настоящего сборника принималось во внимание то, что современ-

ный читатель имел до сих пор очень ограниченное представление о прозе В. И. Даля. В XX веке вышло лишь два сборника его художественных произведений -- "Повести. Рассказы. Очерки. Сказки" (М.--Л., 1961; переиздано с некоторыми сокращениями: Горький, 1981) и "Повести и рассказы" (Уфа, 1981). Вполне естественно, что за рамками этих двух изданий остались многие произведения писателя, представляющие несомненный интерес.

Настоящий сборник является попыткой познакомить современного читателя с некоторыми из них. Представленные здесь повести и рассказы в советское время не переиздавались.

Как правило, все свои художественные произведения Даль публиковал в журналах и альманахах. В то же время писатель составлял сборники своей прозы, а затем подготавливал и издание собрания сочинений. В 1833-1839 гг. вышло четыре книги сборника "Были и небылицы Казака Луганского". В 1846 г. напечатано собрание сочинений в четырех частях -- "Повести, сказки и рассказы Казака Луганского" (на шмуцтитуле указывалось: "Пол-

ное собрание сочинений русских авторов"). Появляются сборники "Солдатские досуги" (1843) и "Матросские досуги" (1853). В 1861 г. М. О. Вольф осуществил издание "Сочинений" В. И. Даля в 8-ми томах (с указанием: "Новое полное издание"). При жизни Даля это было последнее собрание его сочинений. Переиздано оно в 1883--1884 гг. "Товариществом М. О. Вольф". Наконец в 1897--1898 гг. то же издательство выпустило десятитомное "Полное собрание сочинений Вл. Даля (Казака Луганского). 1-е посмертное полное издание, сверенное и вновь просмотренное по рукописям, как "Бесплатное ежемесячное приложение к журналу "Новь".

Для настоящего издания была осуществлена научная подготовка текстов. За основу принималось последнее прижизненное издание. Текст его сверялся с предшествующими публикациями, а когда это было возможно, с авторскими рукописями. В тексты вносились обоснованные исправления. Особенности поэтики Даля, его стремление воспроизводить с большой точностью в своих произведениях живую речь современников заставили при

приведении текстов в соответствие с современными орфографическими нормами сохранять во многих случаях авторское написание, дающее представление о речевой атмосфере эпохи.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые. Сборник открывается самым значительным из публикуемых сочинений -- повестью "Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета", далее произведения следуют в хронологическом порядке.

В рукописи (ОР ГБЛ, ф. 473, оп. 1, ед. хр. 3, л. 60--62 об.) рассказ назывался "Самоучитель". Впервые был опубликован (в расширенном и переработанном по сравнению с рукописной редакцией виде) в издании "Картинки русских нравов" (1843, кн. V), как "Соч. Казака В. Луганского". Он вызвал следующее замечание В. Г. Белинского: "Многие черты в этой статье очень забавны. Таковы, например, сочиненные Петитомом две русские басни, одна стихами, другая прозою, которые говорят его

воспитанники своим родителям" (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, с. 12). Далее критик выписывал первую из упомянутых им "басен" (см. стр. 323 настоящего издания). Эта же басня приводилась в редакционной заметке "Хозяин не позволял!", помещенной в газете "Колокол" от 15 февраля 1864 г. и, может быть, принадлежавшей А. И. Герцену (см.: А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти т., т. XVIII. М., 1959, с. 496).

При жизни В. И. Даля рассказ был помещен также в "Повестях, сказках и рассказах Казака Луганского" (ч. IV. Спб., 1846) и собрании сочинений 1861 года (т. VI). Перепечатан в собраниях сочинений в 1883 (т. IV) и 1897 (т. III) гг.

Стр. 310. *Поколение* -- здесь: род, племя.

...у немца на все струмент есть... --

Несколько иной смысл этой поговорки Даль показал в своем рассказе "Русак", утверждая, что она "неоспоримо доказывает, что русский любит братья за дело как можно проще, без затейливых снарядов" (В. И. Даль. Собр. соч., т. II. Спб., 1861, с. 240).

Стр. 311. *...не дав ...угонки ...не угоняешься.*

..-- "Дать угонку" означает заставить охотничью собаку до предела ускорить бег при преследовании зверя.

Мутовка -- водяная мельница.

Стр. 312. *Политипаж* -- клише для типовых рисунков, заголовков, виньеток и т. п.

Шканцы -- "часть верхней палубы, от кормы или юта до фокмачты; это самое почетное место с правами присутственного..." ("Толковый словарь" В. И. Даля).

...от угрожавшей ему новой линии Бурбонов...-- В 1792 г., во время Великой французской революции, королевская династия Бурбонов была низложена, в 1793 г. король Людовик XVI был казнен. Реставрация воскресила династию Бурбонов в лице Людовика XVIII (1814--1815, 1815--1824) и Карла X (1824--1830). После Июльской революции 1830 г. на французский престол вступил Луи Филипп (1830--1848) -- представитель младшей Орлеанской ветви Бурбонов.

...ни одного ломаного шелега...-- По определению, данному В. И. Далем в "Толковом словаре", шелег -- "неходячая монетка, бляшка, как игрушка, или для счету в играх..."

Стр. 313. *Легитимисты* -- приверженцы "законной" (легитимной) династии Бурбонов во Франции. Термин возник и утвердился после Июльской революции 1830 г. В своей рецензии 1843 г. В. Г. Белинский не без иронии отметил хронологическую неточность В. И. Даля, пытавшегося "сделать очерк француза, который, прибыв в Россию, в качестве гонимого легитимиста молодым человеком, до старости (хотя гонимые легитимисты существуют всего только тринадцать лет, и если в 1830 году были молоды, то и теперь еще не стары) перебивается в ней разными проделками и шутками" (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М, 1955, с 12).

Стр. 315. *Дюмон-Дюрвиль* Жюль Себастьян Сезар (1790--1842) -- французский мореплаватель и океанограф, поместивший описания своих путешествий в нескольких книгах.

Стр. 317. *Коломна* -- так называлась считавшаяся отдаленной часть Санкт-Петербурга между Мойкой, Фонтанкой и Крюковым каналом.

...не только всякому дню, всякому часу подобала забота своя.-- Это утверждение оттал-

кивается от библейского текста: "Итак не заботьтесь о завтрашнем дне. Ибо завтрашний сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы" (Евангелие от Матфея, гл. VI, ст. 34).

Стр. 318. *Гороховая* -- ныне улица Дзержинского.

Стр. 319. *Морская* -- см. примеч. к стр. 76.

...со времени учреждения экзамена для этих господ...-- то есть с 1 июня 1834 г., когда было принято "Положение о домашних наставниках и учителях", по которому "для обеспечения родителей в избирании благонадежных их детям руководителей для содействия общим видам правительства в отношении к народному просвещению учреждены особые звания домашних наставников, наставниц, учителей и учительниц". Получить это звание могло лишь лицо, сдавшее специальный экзамен.

Дамские поручни (поручи) -- "браслеты... зарукавья, запястные скобы" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Сиделец -- "лавочник, торгующий в лавке от хозяина, по доверенности купца" ("Толко-

вый словарь" В. И. Даля).

Стр. 320. *Пеганка* -- собака пегой (двухцветной или пятнистой) масти.

Брусбарт -- "порода собак, помесь пуделя с лягавой" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Экосез -- бальный танец типа кадрили, восходящий к старинному шотландскому народному танцу.

Стр. 321. *Антимоний* -- лекарство, главным компонентом которого является сурьма.

Стр. 322. *Кобылка* -- "кузнечик, пружик, насекомое Cicada" ("Толковый словарь" В. И. Даля).